

О СЕМАНТИЧЕСКИХ УРОВНЯХ ЯЗЫКА ФИЛОСОФИИ

ЭДУАРД МАРКАРЯН

Интенсивное исследование проблемы языка науки за последние двадцать лет в Советском Союзе в области философии, логики и лингвистики привело к значительным научным результатам в характеристике как общих закономерностей языка науки, так и отдельных языков (математики, физики, биологии и др.). Одной из редких наук, изучение языка которой до самого последнего времени оставалось вне поля зрения научных исследований, является философия. Но в последние годы появились симптомы того, что и язык философии получает свое философское, логическое, лингвистическое и др. осмысление.

Однако и сегодня «не очерчена сама проблема языка философии, не раскрыты содержание и объем этого понятия, не предложена та совокупность вопросов, разработка которых может привести к научному освещению языка философии»¹.

Первым спонтанным предположением о сущности языка философии может быть следующее высказывание: «Язык философии есть язык, которым говорят или которым пишут свои труды философы». В этом интуитивном высказывании имплицитно содержится идея о необходимости анализа природы и сущности философского языка на основе эмпирического языкового материала, в качестве которого выступают большие отрезки философской речи — философские тексты. На перспективность подобного подхода при анализе языковых закономерностей указывал акад. Л. В. Щерба, который назвал его интуитивным (его также называют методом «от получателя»).

Последовательная реализация этого метода позволяет в философских текстах логически выделить следующие фрагменты языка: 1) фрагмент общего (обыденного) языка; 2) фрагмент научного языка; 3) фрагмент художественного языка.

Фрагмент 1) проявляется не только наличием в философском тексте значимых и служебных слов (единиц) общего языка, но и как его грамматическая характеристика, выражающаяся в подчинении грамматики языка философии общеязыковым грамматическим закономерностям и нормам.

Фрагмент 3) выражается в философских текстах как в форме цитирования для иллюстрации философских идей и использования художественно-литературных образов для выражения философских мыслей, так и в форме отдельных стилистических приемов для придания эмоцио-

¹ Г. А. Брутян, Природа языка философии («Философские науки», 1976, № 1, стр. 24).

нально-экспрессивной окраски излагаемым философским мыслям. Фрагмент 3) широко представлен в произведениях классиков истории философии. Особое место он занимает в философском наследии К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина.

Наиболее сложным образованием, по-видимому, здесь является фрагмент 2), в котором представлены как собственно научно-философские термины, так и термины других наук. В философском тексте встречаются термины практически *всех* наук, но *не все* термины этих наук, а лишь те, которые имеют особое—базисное, фундаментальное, методологическое—значение для обоснования и построения языков этих наук.

Другим методом изучения природы и сущности языка философии является логический (или «от отправителя») метод. В этом случае, имея в виду сущность и специфику философского знания, исследователь задается вопросом «каким может и должен быть язык для адекватного выражения специфики системы философского знания?». Основные специфические черты философского знания следующие: философское знание является а) научно-теоретическим знанием; б) мировоззренческим знанием; в) методологическим знанием. Принципиально важно отметить, что философское знание проявляет эти специфические черты в диалектическом единстве. Философское знание никогда не выступает в чистом виде либо как теория, либо как мировоззрение, либо как методология. Подобное его представление может быть вызвано лишь методическими соображениями, носящими крайне относительный и временный характер. Очевидно, что философский язык должен обладать соответствующими языковыми ресурсами для адекватного выражения функциональных особенностей философского знания. Это означает: а) язык философии должен обладать системой слов-терминов для осуществления научно-теоретической функции философского знания; б) язык философии должен обладать словами, осуществляющими выполнение философским знанием мировоззренческой функции во всех областях практической и теоретической деятельности субъекта; в) язык философии должен обладать словами, осуществляющими выполнение философским знанием методологической функции по отношению ко всем наукам (естественным, техническим, гуманитарным, общественным). Реализация пунктов а), б), в) в языке философии требует: а) наличия особой философской системы научной терминологии, обладающей своими семантико-синтаксическими особенностями; б) наличия 1) слов быденного языка; 2) общественно-политической лексики; 3) соответствующих слов общенаучного языка, имеющих мировоззренческое содержание; в) наличия слов общенаучного (в большей мере) и частнонаучных языков, имеющих методологическое содержание.

Обратим внимание на то, что язык философии, рассматриваемый с двух позиций (с т. н. интуитивной и логической или «от получателя» и «от отправителя»), получает частично модифицированные, но в основном совпадающие характеристики.

Наличие в языке философии быденной, общественно-политической

и конкретно-научной лексики указывает как на генетическую связь философского знания с обыденной жизнью, общественно-политической и научной практикой, так и на тот языковой уровень, посредством которого философия осуществляет мировоззренческую и методологическую функции.

Наличие в языке философии помимо собственно-философских терминов также и других фрагментов языка объясняется и той метаязыковой функцией, которую выполняет язык философии по отношению к объектным языкам, в качестве которых в данном случае выступают языки наук (в том числе гуманитарных и общественных). Подразделение языков на объектные и метаязыки, введенное для преодоления трудностей обоснования оснований формализованных теорий, обладает гораздо большим методологическим содержанием, чем представлялось раньше. Проблема обоснования исходных терминов является важной проблемой не только в формальных и формализованных, но и содержательных языках науки. В этом смысле язык философии выступает как предельный метаязыковой уровень базисных терминов *всех* языков науки (математики, физики, биологии, лингвистики, политэкономии и т. д.). Важнейшим требованием, предъявляемым к метаязыку для адекватного описания исходных терминов языка-объекта, является его значительное семантическое и синтаксическое богатство по сравнению с языком-объектом. Помимо всего прочего это проявляется в том, что описываемые базисные, основные термины входят в состав метаязыка, составляя его собственное содержание.

В качестве существенного отличия взаимоотношения языка-объекта и метаязыка в случае формализованных языков и содержательных языков следует отметить, что если в первом случае язык-объект *целиком* включается в метаязык, в котором определяется его семантика и синтаксис, то во втором случае язык философии как метаязык не полностью включает в себя объектные языки науки, а лишь ту часть этих языков, которая а) не может быть описана и выведена в семантику и синтаксис этого языка, а потому требует их метаязыкового обоснования; б) в том его содержании, которое не может быть обосновано в других метанаучных языках. Если а) не требует особых разъяснений, то б) означает, что исходные термины конкретных наук требуют как конкретно-научного, так и мировоззренческого обоснования. Если первое делается в метанаучных языках, то второе может быть осуществлено лишь в философском языке, где только и возможны научно-мировоззренческие высказывания. Скажем, если в языке математики в самом широком смысле исходные термины—точка, прямая, цилиндр, число, корень, квадрат и т. д.—вводятся через их обоснование и описание в языке метаматематики, то онтологическое и гносеологическое осмысление этих исходных терминов, обозначающих математические абстракции, может быть произведено лишь в языке философии, что блестяще было продемонстрировано Ф. Энгельсом в «Диалектике природы» как при обсуждении термина «математическая абстракция», так и ее конкретных модификаций. При этом в содержании этого термина вскрывается не только то, что оно является *абстракцией*

со всеми присущими ей характеристиками, но что это — *математическая абстракция*. То же самое можно сказать об анализе Ф. Энгельсом биологического термина «жизнь», который обсуждается в языке философии постольку, поскольку обладает также экстрабиологическим, мировоззренческим содержанием, что и составляет содержание философского термина «жизнь».

Однако нетрудно заметить, что термины «жизнь», «математическая абстракция» и им подобные, обладая в конкретно-научных языках также и экстрабиологическим и др. содержанием, в языке философии также обнаруживают экстрафилософское содержание. Именно это обстоятельство зачастую становится источником для односторонних выводов, приводящих к исключению подобных терминов из языков конкретных наук как слишком «метафизических», а из языка философии как слишком «натурфилософских» или «конкретно-научных». Для диалектика-материалиста ясно, что наличие подобных «смежных» терминов является одной из предпосылок: а) для философского обобщения и осмысления данных конкретных наук; б) для выполнения философией своих мировоззренческо-методологических функций, ибо философия как мировоззрение «...должна найти себе подтверждение и проявить себя не в некоей особой науке наук, а в реальных науках»². Философия не есть более «наука наук», а потому язык философии не включает в себя языки конкретных наук целиком как свой фрагмент, по философия и ее язык не сливаются и не растворяются в конкретных науках и их языках, как это представляется в философских концепциях позитивистского толка, в которых так именно интерпретируется вышеприведенное высказывание Ф. Энгельса, совсем в духе О. Коита — «наука — сама себе философия».

Трудности отнесения слова к тому или иному языковому уровню (подклассу, подъязыку) общепризнаны и хорошо известны языковедам, и с ними они встречаются в работе классификационного характера. Эти трудности, по мнению языковедов, вызваны многозначностью (полисемичностью) слова. Эта многозначность характеризует слово как элемент общелитературного языка, многозначность снимается включением слова в тот или иной подъязык, что не исключает приобретения словом многозначности уже в системе подъязыка. Кроме того следует отметить, что слово общего языка, включаясь в подъязык и приобретая в нем специфическое значение, сохраняет с ним определенную семантическую связь. То же следует сказать и о случае перехода (перевода) слова из одного подъязыка в другой. Этот переход (перевод) возможен (при всем своеобразии его нового употребления) лишь при наличии семантического сходства. В нашем случае это означает, что наличие в философском языке слов, общих с языками нефилософскими, объясняется сходством мировоззренческо-методологического содержания. Однако особо следует отметить то обстоятельство, что это мировоззренческо-методологическое содержание не может быть объяснено, обосновано и даже описано сред-

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 142.

ствами нефилософских языков. Соответственно, в философском языке не может быть объяснено и обосновано нефилософское содержание тех же слов. Скажем, разработка философских проблем наук (естественных, технических, общественных), а также их конкретных систем (физика, биология, лингвистика, политэкономия и т. д.) есть реально, действительное проявление мировоззренческо-методологической функции философского знания. Активной разработкой этих проблем заняты как профессиональные философы, так и ученые—представители конкретных наук. Не вызывает сомнения и тот факт, что в этом случае для плодотворной научной разработки этих проблем необходим профессиональный уровень в одной из областей знания (философии или конкретной науке) и уровень, близкий к профессиональному,—в другой, хотя бы для четкого ограничения конкретно-научного и мировоззренческо-методологического содержания обсуждаемой проблемы и выявления их взаимосвязей. Возникает вопрос: в терминах какого языка может идти обсуждение этих проблем? Конкретно-научное содержание проблемы может обсуждаться и обсуждается в терминах конкретно-научных языков—это не вызывает сомнения. Но не вызывает сомнения также и тот факт, что мировоззренческо-методологическое содержание не может обсуждаться в терминах конкретно-научных языков (тогда была бы лишней любая философия). Здесь необходимо одно уточнение: речь идет не о том, что на конкретно-научном языке невозможны никакие мировоззренческо-методологические высказывания. В таком случае этот язык не мог бы выполнять функцию метаязыка для своих разделов, которые зачастую выступают как самостоятельные науки. В данном случае речь идет о невозможности мировоззренческо-методологических высказываний относительно собственных базисных терминов. Конкретно-научные термины удерживают мировоззренческо-методологическое содержание (разумеется, в единстве с конкретно-научным содержанием) как для выполнения метаязыковой функции, так и в качестве характеристики его как объектного языка, указывая на связь с философским языком, в котором оно (мировоззренческо-методологическое содержание) получает свое научно-философское объяснение и обоснование.

Философское осмысление результатов внефилософской деятельности субъекта предполагает введение слов и терминов (выражений), фиксирующих эти результаты в соответствующих языках, в философский язык, в системе которого должна проводиться их философская интерпретация. На этом этапе они квалифицируются как *экспликанды*, которые в языке философии должны получить философскую *экспликацию*, в результате которой вводимые слова и выражения превращаются в *экспликации*. «Понятия, вводимые в философию из повседневной жизни и из других наук, рассматриваются как *экспликанды* (неточные, хотя и интуитивно хорошо знакомые понятия) и посредством *экспликации* (уточнения, замены) превращаются в *экспликации* (в новые, точные понятия)»³.

³ Г. А. Брутян, указ. соч., стр. 29.

Эта идея оказывается очень плодотворной как для объяснения сущности языка философии, так и для выявления механизма осуществления языком философии своей мировоззренческо-методологической, а также метаязыковой функций.

На уровне экспликандов вводимые выражения внефилософского происхождения сохраняют значительную часть своего нефилософского содержания. На этом этапе происходит мысленное разграничение нефилософского содержания от возможного философского, мировоззренческо-методологического содержания. Указанное разграничение не означает игнорирования нефилософским содержанием вводимых выражений. Но вместе с тем «...нельзя полагать, что философская наука механически включает в свой язык новейшие понятия других наук, ибо философия и конкретные науки при исследовании объекта выявляют его свойства на различных уровнях абстрагирования и обобщения. Философия по-своему переосмысливает эти понятия, иначе они не могли бы найти подобающего места в системе семантики языка философии»⁴. Наличие двух пластов в выражении обнаруживается еще в конкретных внефилософских языках и выражается, в частности, в невозможности адекватного описания и объяснения *всего* содержания выражения в данном языке или средствами других метаязыковых систем. Таким аспектом выражения оказывается его мировоззренческо-методологическое содержание, требующее научно-философского объяснения. В этом отношении характерен путь, пройденный Н. Бором в попытках обоснования «принципа дополненности» и приведший его к необходимости методологического анализа этого принципа в системе философского языка⁵.

Процесс отграничения продолжается в языке философии на базе его терминологической системы и принимает форму экспликации. Философская экспликация движется согласно диалектико-материалистическому принципу процесса познания и на этом этапе характеризуется переходом от конкретного к абстрактному, от абстракции низшего порядка к абстракциям высшего (научно-философского) порядка. Методологическо-мировоззренческое содержание вводимых выражений анализируется и характеризуется сквозь призму категориального содержания языка философии. При этом методологическое содержание вводимых выражений проявляет неодинаковую способность в степени генерализации и абстракции и приближения к уровню категориального содержания философской терминологии. От степени способности к генерализации, выявленной в процессе философской экспликации, зависит дальнейшая методологическая ценность (по сфере применения) вводимого выражения. По мере приближения к уровню категориального содержания философских терминов эксплицируемые выражения становятся все более абстрактными и все менее содержательными. Пределом (границей) для

⁴ Там же, стр. 28.

⁵ Г. А. Брутян, Методологические аспекты принципа дополненности («Философские науки», 1974, № 5).

дальнейшей генерализации вводимых выражений являются: а) достижение предельно-абстрактного уровня категориального содержания философских терминов; б) различимость на этом уровне по содержанию от существующих философских терминов.

При выполнении *обоих* требований эксплицируемое слово или выражение приобретает статус философского термина с категориальным содержанием. Требование а) является необходимым, но не достаточным условием для превращения вводимого слова с понятийным содержанием в философский термин с категориальным содержанием. Для этого необходимо и выполнение требования б), чтобы эксплицируемое слово-понятие при достижении уровня содержательной генерализации термина-категории по своему содержанию было бы различимо от существующего терминологического состава языка философии. Скажем, философская экспликация «принципа дополнительности» Н. Бора показала его способность к достаточно высокой степени генерализации, а потому и большую его методологическую ценность. Однако этот принцип не достигает уровня предельной абстракции категориального содержания философских терминов, ибо в этом случае он (термин «принцип дополнительности») совпадет по содержанию с термином «принцип всестороннего рассмотрения»⁶, существующим в языке современной диалектико-материалистической философии и будет неразличим от него и составит с ним синонимичную пару, несколько не обогащая эвристических и методологических возможностей языка философии.

В развитом философском языке возникновение нового термина с категориальным содержанием представляется исключительным явлением. Большинство эксплицируемых слов-понятий, проявляя различную степень мировоззренческо-методологического содержания, «располагаются» на различных уровнях генерализации от уровня генерализации философских терминов с категориальным содержанием.

«Философам достаточно было бы свести свой язык к обыкновенному языку, от которого он абстрагирован, чтобы узнать в нем извращенный язык действительного мира и понять, что ни мысли, ни язык не образуют сами по себе особого царства, что они—только *проявления* действительной жизни»⁷. Наличие в языке философии терминов с содержанием на различных уровнях генерализации есть указание на генетическую связь философских терминов с категориальным содержанием с «языком действительного мира», они ограждают философский язык от опасности превратиться в «извращенный язык» и делают его «проявлением действительного мира».

«Так же как философы обособили мышление в самостоятельную силу, так же должны были они обособить язык в некое самостоятельное, особое царство. В этом тайна философского языка, в котором мысли, в форме слов, обладают своим собственным содержанием. Задача спу-

⁶ Там же.

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 149.

спуститься из мира мыслей в действительный мир превращается в задачу спуститься с высот языка к жизни»⁸. Эти слова, сказанные в укор схоластико-спекулятивному философскому мышлению, оградившему философский язык сферой чистой мысли, и «которому неизбежно остаются неясным характер его мнимого отрешения от жизни»⁹, с предельной четкостью характеризуют марксистский подход к пониманию философского языка и его необходимой связи с действительным миром, при котором язык философии должен обеспечивать возможность «спуститься с высот языка к жизни». Такая возможность обеспечивается в языке философии наличием терминов с содержанием, находящимся на различных уровнях философской абстракции, характеризующимся различной степенью удаленности от языка «действительного мира».

Наличие в философии различных уровней абстракции отмечается в советской философской литературе. Как замечает М. Г. Макаров, само наличие уровней философского сознания не является чем-то новым, однако оно не всегда в должной мере учитывается в философских исследованиях¹⁰.

При исследовании языка философии учет этой многоуровневости философского сознания имеет принципиальное значение и своеобразно преломляется в языковой системе философии, которая выступает как полиструктурное (многоуровневое) образование (система).

Учитывая вышеизложенное, в языке философии можно выделить три основных уровня: (а) уровень экспликандов; (б) уровень экспликационного аппарата; (в) уровень экспликатов. Экпликандный уровень представляет собой семантический слой языка философии, в котором находятся слова и выражения нефилософского происхождения с достаточно богатым мировоззренческо-методологическим содержанием. Нижним пределом богатства мировоззренческо-методологического содержания, делающего необходимым его обсуждение в языке философии, является невозможность его обсуждения в языке конкретных нефилософских сфер деятельности субъекта или в какой-либо другой метаязыковой системе. Слова и выражения этого уровня сохраняют значительную часть нефилософского содержания своего конкретного языка, что обеспечивает конкретно-содержательный фон анализа мировоззренческо-методологического содержания в ходе философской экспликации в терминах категориального аппарата данной системы языка философии. В этом пласте языка философии представлены слова и выражения обыденного языка, общенаучного и научно-научных языков, литературно-художественного языка и общественно-политическая лексика. Достаточно открыть любой философский словарь (этот, перефразируя известное изречение

⁸ Там же, стр. 448.

⁹ Там же, стр. 451.

¹⁰ М. Г. Макаров, Об уровнях философского сознания (в сб. «Философские исследования», «Труды Таллинского политехнического института», № 341, Таллин. 1973, стр. 14).

А. Франса, философский мир в алфавитном порядке), чтобы убедиться, насколько широко представлены слова и выражения вышеперечисленных фрагментов в языке философии.

Особо следует сказать о наличии в экспликандном уровне фрагмента философской лексики, подлежащей экспликации в определенной системе языка философии. Дело в том, что обогащение и развитие языка философии происходит не только путем экспликации слов и выражений нефилософского, но и философского происхождения. В ходе развития языка философии часть терминов, которыми оперируют в данном языке, первоначально была выработана не в этой системе языка, а в другой системе философского языка, иногда противоположной по своему концептуальному содержанию. Процесс экспликации «чужих» терминов—довольно сложный и длительный процесс, который может тянуться десятилетиями. Наиболее ярким примером подобной экспликации является титанический труд К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина по созданию и развитию диалектико-материалистического философского языка¹¹.

Вся история создания и развития языка диалектико-материалистической философии является наглядным свидетельством революционного и творческого характера марксистско-ленинской философии в процессе теоретического, мировоззренческого и методологического осмысления результатов всех сфер практического и теоретического освоения мира.

ՓԻԼԻՍՈՓԱՅՈՒԹՅԱՆ ԼԵՋՎԻ ՍԵՄԱՆՏԻԿԱԿԱՆ ՄԱԿԱՐԴԱԿՆԵՐԻ ՄԱՍԻՆ

ԻՌՈՒԱՐԴ ՄԱՐԶԱՐՅԱՆ

Ա մ փ ո փ ո լ մ

Փիլիսոփայության լեզվում, փիլիսոփայական բնույթի տերմիններից և արտահայտություններից բացի, գիտական այլ բնագավառների լեզուների բառերի և արտահայտությունների առկայությունը վկայում է նրանում հետևյալ սեմանտիկական մակարդակների գոյությունը. 1) էքսպլիկանդների մակարդակ, որտեղ ամփոփված են մեթոդաբանական և աշխարհայացքային բովանդակներն հարուստ բովանդակությամբ օժտված ոչ փիլիսոփայական ծագում ունեցող, փիլիսոփայության լեզվի մեջ ներմուծվելու և այնտեղ օգտագործվելու նպատակով փիլիսոփայական էքսպլիկացիայի ենթակա բառերը և արտահայտությունները; 2) էքսպլիկացիոն ապարատի մակարդակ, ուր ներկայացված են փիլիսոփայության լեզվի հիմնական բովանդակությունը, սկզբունքները, օրենքները և կատեգորիաներն ամրագրող տերմինները և արտահայտությունները; 3) էքսպլիկատների մակարդակ, որտեղ գտնվում են էքսպլիկացիայի հետևանքով առաջացած տերմինները և արտահայտությունները: Աշխարհայացքային-մեթոդաբանական բովանդակության արտահայտությունները դրսևորվում են փիլիսոփայական ընդհանրացվածության և վերացարկվածության տարբեր աստիճաններ:

¹¹ Э. Б. Марьян, К проблеме экспликации «чужезычных» философских терминов в «своем» языке философии («Բանբեր Երևանի համալսարանի», 1979, № 2):